

Выход в иное пространство

В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ 110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ХУДОЖНИКА ВЛАДИМИРА СТЕРЛИГОВА (1904 — 1973) — ЯРКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВТОРОЙ ВОЛНЫ АВАНГАРДА, УЧЕНИКА КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА, СОЗДАТЕЛЯ СИСТЕМЫ ЧАШНО-КУПОЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Владимир Стерлигов.

фото из архива Геннадия Зубкова

НЕ МОЖЕШЬ — НАУЧИМ

Если попытаться сформулировать, что сделал Владимир Стерлигов для изобразительного искусства, можно сказать, что он сломал традиционное линейное пространство с его прямоугольной системой координат. Новая система, предложенная Стерлиговым, позволила передать криволинейность пространства, его многомерность.

Чтобы понять художника, нужно увидеть воочию его работы. Сделать это сейчас — легче легкого: до 20 апреля в Петербурге проходят сразу две выставки, посвященные памятной дате: «Геометрия природы Стерлигова» в Невской куртине Петропавловской крепости и выставка учеников и последователей художника «В пространстве Стерлигова» в Малом зале Музея неконформистского искусства на Пушкинской, 10.

На выставке в Петропавловской крепости — около восьмидесяти работ художника конца 1950-х — начала 1970-х. Стерлигов был не только выдающимся художником, но и незаурядным педагогом. В этом легко убедиться на выставке в Музее неконформистского искусства. Участники выставки на Пушкинской, 10, — не только ученики Владимира Васильевича, но и художники, лично его не знавшие, примкнувшие к этому движению впоследствии.

Куратор выставки на Пушкинской, 10, Геннадий Зубков — один из тех, кому Владимир Васильевич открыл в полном смысле слова иной мир. Как это было, лучше всего расскажет сам Геннадий Герасимович: «Я не из тех, кто занимался живописью с самого детства. Я рано лишился родителей, и меня отдали на воспитание в Тульское суворовское военное училище. Там были какие-то попытки заниматься рисованием, но не очень серьезные. Художником я стал, как ни странно, в армии. Попал в ракетные войска; наши командиры прямо на плацу скомандовали: «Москвичи-ленинградцы есть? Два шага вперед!» Вышли человек десять. «Ты будешь заниматься спортом, ты — художественной самодеятельностью, ты будешь иг-

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Владимир Васильевич Стерлигов родился 5 (18) марта 1904 года в Варшаве, в 1905 году семья переехала в Москву.

В 1925 году Стерлигов познакомился с Казимиром Малевичем и был принят в Государственный институт художественной культуры (ГИХУК), где занимался исследованием проблем кубизма и супрематизма.

В 1934 году по ложному доносу был арестован, до 1938 года отбывал заключение в Карагандинском лагере, затем жил и работал в Караганде. Стерлигов не имел права проживать в Москве и Ленинграде, поэтому в 1940 году прописался в подмосковных Петушках, а в начале 1941 года переехал в Малую Вишеру под Ленинградом. В годы Великой Отечественной войны сражался на Карельском фронте, был тяжело ранен, эвакуирован в Алма-Ату, где познакомился со своей будущей женой Татьяной Глебовой — ученицей Павла Филонова. В 1945 году они вместе вернулись в Ленинград.

При жизни художника состоялась всего одна официальная выставка — в ЛОСХе в апреле 1966 года. Она была закрыта через четыре часа решением правления Союза художников.

рат в духовом оркестре...» А мне выпало стать художником — главным образом потому, что мой предшественник демобилизовался. «Да я не уме...» — «Научим!» После армии мне повезло: вообще-то после суворовского училища нельзя было уйти «на гражданку» — только в военное училище, но в тот год выяснилось, что слишком много в стране офицеров, и тем, у кого были проблемы со здоровьем — в основном со зрением, — разрешили поступать куда заблагорассудится».

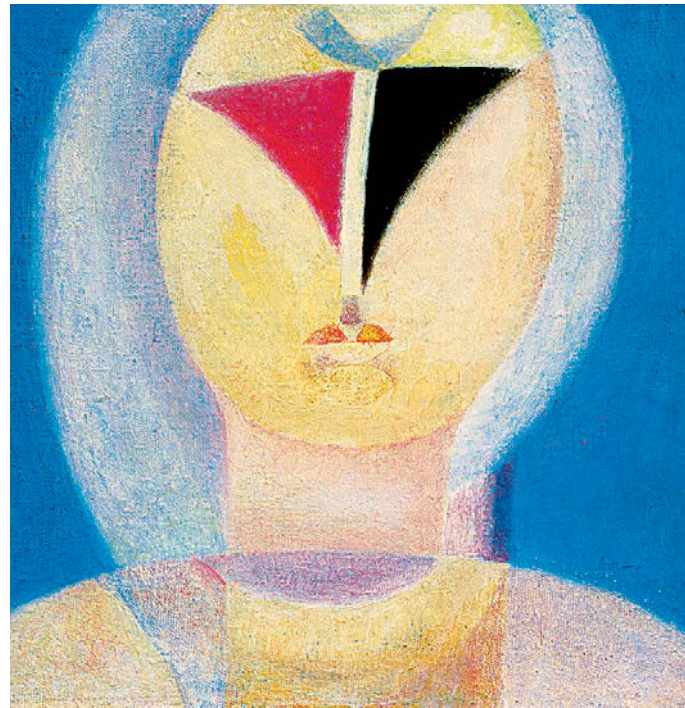
ХОДЯТ СИНIE ДЕВИЦЫ

Геннадий приехал к старшей сестре в Ленинград, она училась в Университете, а он поступил на художественно-графический факультет Герценовского института.

«До больших выставок неофициального искусства было еще далеко, и Владимир Васильевич вместе с женой Татьяной Глебовой устраивал маленькие выставки прямо в своей комнатке. Сестра моя Ира побывала на одной из этих выставок — она интересовалась искусством.

Комнатка была небольшая, и единственное ее окно выходило на брандмауэр соседнего дома, который отстоял от окна всего на полметра, то есть света в комнате было очень мало. Поэтому Владимир Васильевич и Татьяна Николаевна писали по очереди: сегодня один, завтра другой. На двоих света не хватало.

Владимир Васильевич делал иллюстрации к научно-исследовательским статьям. Приносил он рисунки и в Ботанический институт, где работала моя сестра. Она как-то подвела меня к нему и познакомила. Он был доброжелателен, стал расспрашивать, где я учусь. Сестра говорит: «Владимир Васильевич, можно брату прийти посмотреть вашу выставку?» А он вдруг: «Нет». Это было настолько неожиданно, что мы с сестрой хором воскликнули: «Как? Почему?» Он ответил: «Вы посмотрите, что кругом творится...» — «А что?» — «Неужели вы не видите?» — «Нет». Он засмеялся: «Да вы абстракционисты!» Спустя много лет я узнал, что незадолго до нашего разговора с ним вежливо, но твердо поговорили люди в штатском и попросили не баламутить молодежь.

Владимир Стерлигов. Голова.

фото предоставлено Музеем истории Санкт-Петербурга

Через некоторое время один мой знакомый говорит: «Геннадий, а не хотите ли вы пойти к одному художнику?» — «Хочу», — отвечаю. Думаю: ну, с одним художником не вышло, с другим выйдет. Пошли, поднимаемся на третий этаж, огромная коммуналка, на двери множество звонков, звоним. И вдруг открывает... Владимир Васильевич! «О, Геннадий?.. Ну, это судьба! Таня, Таня!» Вышла Татьяна Николаевна, мы поздоровались. Входим в комнатку маленькую — потрясающее ощущение чистоты и, несмотря на то что полутемно, присутствие света: сияние глаз, то, что на стенах... Да, такого, как там на стенах висело, нигде было не увидеть, в Русском музее весь авангард еще был в запасниках. Смотрю, ничего не понимаю, думаю: «Ну, сейчас заговорят, всё и прояснится!» Сели за стол чай пить. Стерлигов спрашивает: «Хотите, я прочитаю стихи?» И начал:

*Будем думать в ясный день,
сев на камень и на пень.
Нас кругом росли цветы,
звезды, люди и дома.
С гор высоких и крутых
быстро падала вода.
Мы сидели в этот миг,
мы смотрели все на них.
Нас кругом сияет день,
под нами камень, под нами пень.
Нас кругом трепещут птицы,
и ходят синие девицы.*

Вот эти синие девицы меня вообще в шок привели. Я тогда, конечно, не знал, что это Введенский, и об обэриутах представления не имел — по литературе, сами понимаете, такое не проходили. Потом Владимир Васильевич спрашивает: «Ну, молодой человек, как вам все это?» Я совершенно ошалел и понял, что пропал: «Да, очень интересно...» Он сказал: «Приходите, будем заниматься».

НЕ ХВАТАЕТ НЕ ВРЕМЕНИ, А ДУШИ

Итак, Геннадий Зубков стал заниматься у Стерлигова, попутно продолжая учиться в институте.

«Как-то я спросил у Стерлигова: «Владимир Васильевич, зачем мне в институт ходить? И так времени мало: и учусь, и работаю, может быть, мне только к вам ходить?» Но он ответил: «Ни в коем случае, вам обязательно нужно получить высшее образование и диплом».

Летом все ученики Стерлигова разъезжались отдыхать, но с учителем связь не теряли. «Мы с семьей каждый год отдыхали под Таллином, — вспоминает Геннадий Зубков. — Со Стерлиговым мы переписывались, и как-то он прислал мне письмо, а я подумал, что все равно же через неделю возвращаюсь в Питер, и не ответил. А 28 июля — День святого равноапостольного князя Владимира, именины Владимира Васильевича. Мы в этот день всегда собирались. И вот в конце встречи Владимир Васильевич отзывает меня и спрашивает: «Геннадий, вы получили мое письмо?» — «Да, получил». — «Почему же не ответили?» — «Ну, знаете... не было времени». — «Геннадий, не хватает не времени, а души».

Сейчас другие времена, про диктат соцреализма помнят только люди старшего поколения, а Геннадий Зубков продолжает дело Стерлигова, набирая учеников и передавая им то, что знает и умеет сам. «75 лет советской власти просто так не прошли, — считает художник. — У нас нет искусствоведения, нет настоящей живописной школы. Ко мне на занятия приходят люди, которые учились в Академии художеств. Чего им не хватает? Нет, например, такого элементарного предмета — цветоведения. Про импрессионизм хоть как-то знают, но чем занимался Матюшин — для многих темный лес».

Берет в ученики Геннадий Герасимович всех желающих: «Я считаю своим долгом поделиться со всеми, кому это интересно, тем, что получил от Владимира Васильевича. Но человек должен быть готов серьезно заниматься. Я прошу принести работы, но не для того, чтобы решить, брать человека или не брать, а только чтобы понимать его уровень, с чего ему надо начинать».

Татьяна КИРИЛЛИНА